

Ильин Владимир

1.04.1996

ЛИЦО НЕДЕЛИ

«Когда работа начинается с улыбки, обращенной друг к другу, все идет хорошо».

Владимир Адольфович, нельзя сказать, что вас открыли рано: «Защитник Седов» и «Авария — дочь мента» подарили нам не очень уже молодого актера. Вы верили в свой успех?

— Да я об этом не думал. Вырос в хорошей семье, где отец — актер, мама — врач. С детства крутился в театре, где играл отец, Адольф Алексеевич. Он тоже известным стал не сразу, лишь после того, как сыграл главную роль в фильме «Строгов».

А служил он в Свердловском драмтеатре. Вот и у меня появилась мечта стать артистом — и стал. Мне этого достаточно. Работаю, делаю дело, которое нравится.

— Значит ли это, что вы берете в руки очередной сценарий так же, как рабочий берет молоток, врач — шприц, художник — кисть? Это часть профессионального ритуала, рабочий инструмент или нечто большее?

— Читая сценарий, вникая в суть роли, будто одежду примеряешь — влезешь в нее или нет? Мала она или велика? Ищешь соответствие себе, своим способностям, мыслям, своей фактуре.

— И часто случается, что одежда мала или велика?

— Бывало. Брал и на вырост. А бывают дурацкие работы, когда стыдно за результат. И это не всегда зависит от сценария. Вроде и актеры собираются классные, и режиссер интересный, а все равно — мимо. Я обожаю Сашку Панкратова-Черного, и мы с ним вместе пару раз здорово промахнулись. А Панкрат — отличный актер, но он, как и я, тоже не смог разглядеть «размера». Это как купить обувь на глаз, без примерки. А в результате — мозоль...

— А как вы сходитесь с режиссерами? Выбираете только импонирующих вам или это не важно?

— Чаще всего снимаюсь у «своих» режиссеров. Как-то так сработались и пошли дальше. Владимир Хотиненко, Георгий Шенгелия, Михаил Туманишвили. Осчастливил вот Никита Сергеевич — пригласил в «Утомленных солнцем» и в «Воспоминания о Чехове». Сложился было роман с Леонидом Филатовым, но он тяжело заболел. Можно много назвать фамилий хороших режиссеров, видишь же их работы предыдущие — и уже знаешь, с кем бы хотел сотрудничать. Сходиться с новым режиссером полезно — идешь за ним, чтобы ощутить и сделать что-то новое, либо усовершенствовать старое, наработанное.

Ильин отвечает на вопросы, а я замечаю, что ему неловко, неудобно. «К чему это все? Зачем эти статьи, публикации?» — спрашивает. — Не дело артиста говорить, он играть должен». Я объясняю, что это необходимо зрителям, которые его любят. Так, с разговорами мы садимся на «Соколе» в троллейбус и едем к нему домой. «Слушай, а у тебя талончика не найдется? Я, кажется, забыл дома книжечку», — спохватывается Владимир Адольфович и обращается с тем же вопросом к пассажирам. Я вижу, что его никто не узнает, и вдруг понимаю: не удивительно, ведь, на первый взгляд, он обыкновенный мужик — добрый, простоватый, каких много в общественном транспорте. Тут же вспоминаю его такие разные роли и поражаюсь: вот уж действительно, талант от Бога!

— Легко ли сходитесь с коллегами, подстраиваетесь ли под них? Особенно когда рядом с вами кто ни имя — звезда. Ведь у них такие непростые характеры, и у каждого свой тон...

— Зато они настоящие профессионалы. Глядя на них, увлекаешься, заводишься. И вообще, когда работа начинается с улыбки, обращенной друг к другу, все идет хорошо. Были такие мощные составы в «Шапке», в «Сукиных детях».

— Вы никогда не играли мерзавцев и иностранцев. Чем это объяснить?

ТБ Парк - 1996. - 1 июля. - с. 10-11.

ИЛЬИН

44